

**ИЗ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО
НАСЛЕДИЯ XX ВЕКА****ВОПРОСЫ СРАВНИТЕЛЬНО-
ИСТОРИЧЕСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ****Памяти профессора
А.Н. Савченко**

21 июля 2007 г. исполнилось бы 100 лет профессору Алексею Ниловичу Савченко, замечательному ученому и педагогу.

А.Н. Савченко (1907–1987) – профессор, доктор филологических наук, основатель и первый заведующий кафедрой общего и сравнительного языкознания Ростовского государственного университета, один из крупнейших отечественных компаративистов. Филологическое образование получил в Ленинградском университете, который окончил в 1932 г., там же, в 1960 г. защитил докторскую диссертацию на тему: Категория среднего залога в индоевропейском языке. А.Н. Савченко широко известен своими трудами в области сравнительной грамматики индоевропейских языков и общего языкознания: «Части речи и категории мышления» (1959), «Сравнительная грамматика индоевропейских языков» (1974, 2003), «Общее языкознание» (1985), «Речь и искусство» (1988) и др., автор первого в стране вузовского учебника «Сравнительная грамматика индоевропейских языков» (1974), переизданного в 2003 г. в серии «Лингвистическое наследие XX в.».

Основные научные интересы сосредоточены в области общего и сравнительного (индоевропейского и кавказского) языкознания. Важнейшие монографии: «Части речи и категории мышления» (1959), «Происхождение среднего залога в индоевропейском языке» (1960), «Образно-эмоциональная функция речи и поэтическая речь»

(1978), учебное пособие для вузов «Общее языкознание» (1985), «Речь и искусство» (1988).

В 1987 г. кафедра общего и сравнительного языкознания готовилась отметить 80-летие А.Н. Савченко научной конференцией. Участвовать в этой конференции выразили желание многие известные компаративисты, приславшие тезисы своих докладов, но накануне А.Н. Савченко тяжело заболел и 4 сентября скончался. В то время опубликовать материалы конференции не удалось, однако они сохранились в архиве кафедры. Редколлегия журнала нашла возможным познакомить с ними читателей спустя 20 лет как наследием отечественной компаративистики конца прошлого века.

О.С. Широков (Москва)

ПРОБЛЕМА ПРАРОДИНЫ И ДИАЛЕКТНОГО ЧЛЕНЕНИЯ ОБЩЕИНДООЕВРОПЕЙСКОГО ПРАЯЗЫКА

1. Данные современной компаративистики дают основания для предположения о трех периодах ареального членения общеиндоевропейского диалектного континуума. К первому периоду (по-видимому, в IV или начале III тысячелетия до н.э.) относится обособление хетто-лувийской зоны. Это могло происходить близ циркумпонтийского региона, но конкретная локализация не представляется пока возможной.

2. Во второй период (возможно, в начале и середине III тыс. до н.э.), несомненно, существовало три диалектных зоны: юго-восточная (по-видимому, на Нижнедунайской низменности, в северо-западном и северном Причерноморье, в Приазовье и в Прикаспийской низменности), юго-западная (по-видимому, на Среднедунайской низменности и далее вверх по большим правым притокам Дуная) и северная (по-видимому, на Великопольско-Северогерманской низменности).

3. Юго-восточные диалекты реконструируются по данным греческого, армянского и арийского языков. Возможно, они принадлежали носителям ямной, катакомбной и родственных им культур. Их наиболее яркая черта в грамматике — четкое противопоставление форм типа e-bheret (аугментированный имперфект) — bheret (инъюнктив) — bheret-i (презент). Нет оснований для реконструкции подобной системы за пределами этой зоны (ни для протоиталийского, протокельтского, ни для протогерманского, ни для протославянского не восстанавливается последовательное противопоставление «первичных» и «вторичных» окончаний). Сигматические формы аориста могли противопоставляться асигматическому имперфекту (такого регулярного противопоставления нет в италийском и кельтском претерите; иная функция сигматических форм в протославянском). Только на юго-востоке были придыхательные согласные, а-образный рефлекс слоговых носовых. Из лексических особенностей следует выделить

*gwheres- «летняя жара», *stēn- «женская грудь», *wekwes- «слово», *aiǵ- «коза», *wren- «ягненок», *meryak- «юноша», *ǵeront- «старик», *dheigh- «глинобитная стена», название «тысячи».

4. К юго-восточной зоне принадлежали и палеобалканские языки. Наибольшую близость к греческому имеют реликты языков и диалектов пэонов, бригов, македонян, мэонов, фригийцев, карийцев. Данные фригийского языка не обнаруживают особых сходжений с армянским языком. Ср. фриг. ὕλων «выгон», ὕλουρος «золотой» — гр. χλωρός «желтый, зеленый», фриг. ξευμαν «источник» — греч. χεῦμα «струя, поток», фриг. δουμος «община; курган» — гр. θωμός «куча», фриг. δεος — гр. θεός «бог», фриг. Γανακτει «царю», ιος, ιοσκε — гр. ὅς, ὅστε «который», фриг. γορδος «город» — гр. χόρτος «пастбище, загон, ограда», фриг. кажουν — греч. κακόν «зло», фриг. ономан — греч. ὄνομα «имя», фриг. кноуман «надпись» — гр. κνῦμα «нацарапанное», фриг. тиама «надгробие» — гр. σῆμα «знак», акмоун «небо» — гр. ἄκμων, фриг. βαγαιος «Зевс» — гр. φηγός «дуб» — фриг. Φοινες «вино, виноград» — гр. οἶνος, фриг. Φοικα «деревня» — гр. οἶκος «дом», фриг. ξειρα «рука» — гр. χεῖρ. В меньшей мере обнаруживает сходжения с греческим фракийский: νιβα «снег», ξηλας «вино» — гр. χῦλος «сок», ξेत्रαια «сосуд» — гр. χύτρα.

5. Юго-западные диалекты реконструируются по данным италийских, венецкого, кельтских, мессапского языков, сюда же, по-видимому, принадлежал и язык иллирийцев. Первоначально на этих диалектах говорили, возможно, носители пецельской, баденской, косточачской, вучедольской, мондзейской и альтгеймской культур. Этим языкам и диалектам свойственны формы род. ед. тематического склонения *-i (лат. lupi, equi, венец. Sainati, мессап. Platorrihi), глагольные окончания пассива на -г (в том числе I ед. лат. loquor, др.-ирл. labrug «говорю», I мн. loquimur, labrimur), условное наклонение типа feram, будущее время типа amabo.

6. Северные диалекты реконструируются по данным германских, балтийских и славянских языков; сюда же, по-видимому, принадлежал и албанский, имеются основания для отнесения к этой зоне и агнео-кучанских (псевдотохарских А, В) языков. Первоначальное распространение этих диалектов можно предположительно связывать с продвижениями культур воронковидных кубков и шаровидных амфор. В языках и диалектах северной зоны не различались рефлекс индоевропейских кратких а/о, в большинстве случаев сливались и ā/ō. В склонении для вторичных падежей использовался рефлекс *-m- (в отличие от *-bh- на юго-востоке и юго-западе); в род. ед. тематического склонения *-os-so (в отличие от *-os-syo на юге). Имеются древние сходжения в словообразовании и лексике (*leud- «народ, люди», *ald- «судно», *kail- «целый, здоровый» и др.).

7. В третий период членения общеиндоевропейского диалектного континуума (по-видимому, в середине и второй половине III, начале

II тысячелетия до н.э.) на первоначальное трехчленное деление накладывается изоглосса сатэм, отсекающая в северной зоне протославянский, протобалтийский и протоалбанский от протогерманского, а в юго-восточной зоне — протоарийский и протоармянский от протогреческого. Допустимо предположение, что распространение сатэм было отчасти связано с передвижением населения при экспансии культур шнуровой керамики и боевых топоров. Группы индоевропейцев, далеко отселившиеся от первоначальной прародины, не были охвачены новыми изоглоссами. Помимо фонетических новообразований языка сатэм объединяются и некоторыми параллельными грамматическими и лексическими изоглоссами. Характерно развитие системы вторичных падежей на *-m- (на севере) и на *-bh- на юге (лит. тв. ед. *sūnumì* — тв. дв. *sūniū̃* — тв. мн. *sūnumìs* — дат. дв. *sūnū̃m* — дат. мн. *sūnū̃ms*, ст.-слав. **сынѣмь** — **сынѣма** — **сынѣми**, др.-инд. *sūnubhyām* — *sūnubhyas* — *sūnubhis*, арм. ед.ч. -b, -v, мн. ч. -bк', vk'), в то время как в кентум может быть представлена одна вторичная падежная форма (лат. -bus, гот. *dagam*, *sunum*). Местоимения вин. ед. ст.-слав. **мѧ**, **тѧ**; прус. *mien*, *tien*, алб. *tua*, арм. *inēn*, *kēn*, др.-инд. *mām*, *tvām*. Будущее время сатэм на -syo- (в кентум — на -so-).

8. Процессы, связанные с «сатэмизацией», были последними общеиндоевропейскими диалектными изменениями. Все последующие изменения (с первой половины или середины II тысячелетия до н.э.) происходили либо в отдельных языках, либо носили форму взаимодействия близкородственных, но уже различных языков (закон Грассмана и др.).

А.В. Широкова (Москва)

ПРОБЛЕМА ДИАЛЕКТНОГО ЧЛЕНЕНИЯ ОБЩЕРОМАНСКОГО ПРАЯЗЫКА

В своих исследованиях о диалектах общероманского праязыка (диалектах народной латыни) мы исходили из концепции Ф.Ф. Фортунатова (1875 г.), считавшего, что язык индоевропейцев представлял собой не абстрактную идеальную схему (в связи с чем сам термин «праязык» ставится под сомнение), а вполне реальный, исторически сложившийся и развившийся язык, диалекты которого затем превращаются в самостоятельные языки: «Некоторые отнесутся, может быть, недоверчиво к возможности вариантов в индоевропейском языке, но по моему мнению, ошибка Шлейхера при воссоздании этого языка состояла главным образом в том, что он часто искал единства там, где его не было...»

«Когда мы говорим об языках индоевропейском, литвославянском, индогерманском и т.п., мы не должны представлять для каждого из них такое внутреннее единство, которое исключало бы диалектическое (т.е. диалектное) 'различие'».

Таким образом, в общеиндоевропейском языке предполагаются диалектные варианты двух родов: (1) диалекты, возникшие в результате распада первоначального единства; (2) диалекты исконные, никогда не бывшие абсолютно тождественными.

Общероманский праязык представлял, видимо, диалектный вариант первого рода, когда латинский язык после победы над местными италийскими языками постепенно впитал в себя диалектные черты их и после имперских завоеваний Римом (кон. I в. до н.э. — нач. II в. н.э.) и расселения крестьян на землях римских провинций, началось распространение народнолатинских диалектов за пределами метрополии Италии. В связи с этим в нашу задачу входит выявление отношений латыни как общероманского праязыка к его потомкам — отдельным романским языкам и диалектам, а также реконструкция позднего диалектного членения латинского языка.

Рассматривая общероманский праязык как комплекс народнолатинских диалектов, мы опираемся при этом на определение «народной латыни» как просторечной формы единого латинского языка, представляющего собой пространственно неоднородный и изменившийся во времени широкий диалектный континуум территории центральной Романии и прилегающих областей (провинций Греции, Паннонии, Далмации, Либурнии), а также периферийных областей (Иберии, Галлии, Дакии, Мезии).

Реконструкция общероманского праязыка и его диалектных разновидностей в период со II в. и вплоть до нач. IX в. н. э. (первых романских памятников) опирается на материал надгробных надписей римских провинций, язык которых достаточно однообразен и не отражает диалектных черт. Вследствие этого встала необходимость обратиться к материалам диалектных исследований романских языков, и, прежде всего, итальянского, которые по мнению Пизани, представляют прямую преемственность с народнолатинскими диалектами.

Реконструкция диалектных изоглосс требовала создания определенной методики в виде ряда правил: а) если в определенных романских языках (или диалектах) рефлексы двух латинских фонем оказываются одинаковыми, б) и если это неразличение отражено в надписях, то мы должны реконструировать фонологическую изоглоссу нейтрализации фонемного противопоставления. При последовательном применении такой методики и наложении древних изоглосс на современные диалекты Италии были реконструированы древние диалектные фонологические системы народной латыни. Другим критерием явилось установление абсолютной и относительной хронологии реконструированных изоглосс: отказавшись от понятия «общероманский период», к которому относили все позднероманские изменения, мы выделили два типа процессов: «протороманские» и «общероманские», включавшие не только относительную

хронологию, но главное — качественные процессы. «Протороманские процессы», проходившие ок. I в. до н. э. — I–II вв. н. э., охватывали разговорный стиль языка, еще не расчлененного диалектально, засвидетельствованного письменными памятниками I–II в. н. э., и дававшие одинаковые рефлексy вo всех романских языках. «Общероманские» процессы охватывают период со II–III по VII–VIII вв. н. э. и носят диалектный характер, рефлексy их отражаются отдельными явлениями надписей и романскими языками, развившимися из диалектно-территориальных различий. К ним относятся в вокализме: стяжение дифтонга $au > \bar{u}$ или сохранение его; нейтрализация рефлексов \acute{i} краткого и \bar{e} долгого, \acute{y} краткого и \bar{o} долгого в связи с падением долготы-краткости гласных, развитием экспираторного ударения и появлением общей романской тенденции открытого слога с последующей дифтонгизацией. В консонантизме общероманскими процессами являются: рефлексy палатализации интервокальных заднеязычных групп $-kj-$, $-gj-$; озвончение и ослабление интервокальных согласных глухих $-p-t-k-$ и звонких $-b-d-g-$; падение конечных $-s$, $-t$; начальный и средний бетаизм.

Последовательность реконструируемых процессов, опирающихся на выявление сходств и различий фонемных противопоставлений, дает представление об этапах относительной хронологии при реконструкции фонологических систем диалектных изоглосс и их пересечениях. Рассмотрим основные эволюционные этапы:

1 этап. Развитие тембровых корреляций, затронувших подсистему долгих и кратких гласных, диалектное разнообразие сосредоточено на подсистеме открытых гласных: судьба рефлексов кратких гласных \acute{i} , \acute{e} , \acute{y} , \acute{o} связана с дифтонгизацией их в открытом слоге, что явилось критерием различия трех зон вокализма на территории Италии и прилегающих областей с особой расчлененностью на юге (где выделяется пять диалектов).

2 этап. Первая палатализация ($-tj-$, $-dj->\hat{t}z$, $\hat{d}z$, дававшая свистящий рефлекс, проходила одновременно с падением долгот и охватывала в равной мере всю Романию, не давая диалектных различий (лат. *puteus* — «колодец» > ит. *pozzo* (без различия в диалектах), исп. *pozo*, порт. *poço*; фр. *priser*, пров. *prezar* < лат. *pretiare* «платить», рум. *put*, *preț*).

3 этап. Вторая палатализация заднеязычных ($-kj-$, $-gj->tz$, dz , \acute{c} , \acute{g}) давала свистящий и шипящий рефлексy. В Италии в северных и южных диалектах они дали изоглоссу $\hat{t}z$, $\hat{d}z$, в центральных и рето-ром. — \acute{c} , \acute{g} (лат. *bracchiu* > сев., южн.-ит. *bras*, *brazzo*, *vrazzu*; центр. ит. *bračcio*, рето-романское *brač*). Третья палатализация ($k-$, $g-$ + \acute{i} , \acute{e} → \acute{c} , \acute{g}) происходила ок. VII–VIII в., и рефлексy ее были единообразны, за исключением о. Сардинии, Далмации.

4 этап. Судьба интервокальных глухих и звонких согласных имела диалектное членение на территории Италии. Здесь мы имеем две изоглоссы: центральные и южные диалекты сохраняют народнолатинское

различие глухих и звонких в интервокальном положении: лат. *pacare*, *perote*, *creta*, *puse*, *сгусе* > центр. ит. *pacare*, сиц. *nipute*, *crita*, камп. *creta*, центр. ит. *посе*, вост. лук. *пусе*, *сгусе*. Северные диалекты показывают нейтрализацию глухих и звонких: глухие -p-t-k озвончились и смешались со звонкими: сев. ит. *ruoda*, *maduro*, *pagare* < лат. *rota* «колесо», *maturo* — «зеленый», *pacāre*.

Древнее диалектное явление «бетаизм» имело свои изоглоссы: интервокальное -b- перешло в -v-, возникло позиционное чередование: в начале слов b-, в середине -v-; позже происходило смешение: тоск. *voce* < лат. *voce* «голос», лог. *вакка* < лат. *vacca* «корова», *birde* < лат. *viride* «зеленый», *binu* < лат. *vinu*-. В южн.-ит. диалектах чаще b/v нейтрализовались: южн.-ит. *vossa* < народ.-лат. *bussa* «рот», в других диалектах билабиальное v становилось лабиодентальным: ит. *vacca*, *verde*, *vino*.

Анализ поэтапной реконструкции показывает, что на основании выделенных изоглосс вокальных и консонантных рефлексов были сформированы три зоны народнолатинских диалектов (9 диалектов), из которых выделяется наиболее архаическая область (Лациум, Рим), менее других подвергавшаяся изменениям; сев.-италийская зона более всех подверглась инновациям; южноиталийская зона оказалась весьма расчлененной под воздействием сицилийского и греческого субстрата (работы Рольфа, Михэеску, Скока, Филиппиде и др.). Реконструированные границы между диалектными зонами центральной Романии совпадают с предполагаемыми границами древних субстратных явлений: оскско-умбрского — в центральной зоне, этрусского — в Тоскане, кельтского — в северной Италии, мессапского, луканского, сикульского и греческого — в южной. Контакты народов этих областей осуществлялись между греками и римлянами двумя путями: из центра Италии — по *via Appia*, которая связывала Рим с Брундизиумом, другой путь — из Брундизия по *via Egnazia* — на восток, в Грецию и в Константинополь. Доказательством этого служит реконструкция вокальных и консонантных черт пяти территориальных типов: сев.-итальянского, сев.-луканского, восточнолуканского, сардинского, сицилийского и далматинского; фонетическая огласовка заимствованных слов: лат. *Lacina*, *crista*, *catēna* > нов. греч. [lakínia], [krístá], [katína], сохранение южноиталийских интервокальных глухих: лат. *sucuma*, *scōra* > нов. греч. [kukúma], [skúpa], сиц. *scupa*.

Вяч. Вс. Иванов (Москва)

ПРОБЛЕМА ЭРГАТИВНОСТИ В ИНДОЕВРОПЕЙСКОМ

Тезис об эргативности, вслед за Уленбеком обсуждавшийся в отечественной компаративистике еще в 30-е гг. (особенно у С.Д. Кацнельсона), вновь был развит в 60-е и последующие годы как в СССР (в частности в трудах А.Н. Савченко и ряда других ученых), так и за

рубежом, где в последнее время вообще возрос интерес к проблематике эргатива и его функций. Особенно существенны новые данные о характере отражения индоевропейской именной парадигмы в исторических диалектах. Можно считать вероятным, что индоевропейскому эргативному (в другой интерпретации и терминологии — активно-му) падежу, который позднее развился в именительный падеж на *-s и в частично ему омонимичный (во всяком случае у некоторых типов основ) родительный падеж на *-s, противостоял «абсолютный»/ «неопределенный» падеж (*casus indefinitus* в смысле Бетлингга и Хирта), который отражен в ряде языков не только косвенно в таких формах, как звательный падеж и чистая основа в составе словосложений, но и в формах типа древнехеттских собственных имен, также представляющих собой чистые основы, и в других хеттских формах, толкуемых как падеж с нулевым окончанием (функционально отличный от локатива с подобным окончанием, который может иметь тот же источник). Этим формам генетически могут быть тождественны древненовгородские архаические формы на -е (позволяющие возвести к тому же типу и загадочные общеславянские формы им.-вин. пад. ср. р. типа **polje*). В частности, формы отглагольного имени на *-le/o, отраженные в древненовгородских типа *ходиле*, непосредственно сопоставимы с тохарским и хеттскими образованиями на -l-, ср. хетт. *barganula* ‘те, которые должны быть подняты вверх’, *dalugnula* ‘те, которые должны быть удлинены’ (исторически неопределенный падеж).

Эргативный падеж генетически (по Шухардту) может быть понят как весьма древнее сочетание абсолютного падежа с указательным местоимением **se/o*, которое позднее было переосмыслено как особая падежная форма (ср. многочисленные типологические параллели). Лувийский «эргатив» на -ša может быть истолкован либо как прямой реликт архаической индоевропейской формы, либо как косвенное ее продолжение благодаря заимствованию сходной формы из хуррито-урартского, где соответствующий падеж на *-še может тоже иметь два возможных объяснения — или как северокавказская древняя форма, лишь отдаленно (на уровне связей между макросемьями) соотносимая с индоевропейской, или как результат ареального взаимодействия северокавказского (или одного его диалекта) с индоевропейским. В отличие от лувийского хеттский продолжает реконструируемый индоевропейский эргатив не по форме, а по функции: хеттские формы одушевленного рода на -ant- функционируют как способ создания (путем трансформации пассивной формы типа ср. р. *water* ‘вода’ как объект в активную — *wetenant* — ‘вода’ как субъект переходного действия) «активного» соответствия теоретически для любого имени. Скорее всего в хеттском quasi-эргативе на -ant-, функционирующем на уровне синтаксического словообразования (а не словоизменения, как лув. -ša),

можно видеть результат наложения эргативной структуры языка типа хаттского на уже менявшийся в сторону номинативного (аккузативного) строя индоевропейский диалект. Отдельные относящиеся к доминативной (доаккузативной) стадии следы более архаических, чем активный суффикс *-ant-* (общий с суффиксом причастий действительного залога), черт эргативности можно реконструировать на основании анализа гетероклитической парадигмы имени, где форма ср. р. на *-r* (типа *water* 'вода') не может образовывать родительный (исторически — эргативный или «активный») падеж на *-aš*, и в этой роли должна выступать другая основа — на *-n-*: *wetenaš* 'воды'; от последней образуется и *quasi*-эргатив на *-ant-*: *wetenant-* 'Вода' (как активное начало). Можно думать (вслед за Пизани), что гетероклитическое чередование изначально связано (как и родственное ему чередование в глаголе, где медиопассивное значение морфемы *-r-* очевидно) с оппозицией эргативной и неэргативной (пассивной) форм. В этом случае сохранение гетероклитических парадигм имени в хеттском и служит одним из доказательств того, что в дописьменной истории индоевропейского диалекта, к которому восходит хеттский (и близкородственные ему языки), оппозиция этих двух форм не только в имени, но и в глаголе (преображенная потом в различие двух серий форм), долго сохранялась; поэтому и воздействие субстратного эргативного языка (хаттского) оказалось настолько значительным. Отчасти сходным образом может быть описано и воздействие структур праязыка лувийско-ликийской подгруппы со структурой хуррито-урартского, что сказалось и в связанном с архаическим отсутствием генитива сходстве отыменных адъективных способов выражения поссессивности, которые объединяют лувийско-ликийский с тохарским и праславянским.

Ю.С. Степанов (Москва)

ТРУДНОСТИ С ТИПОМ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

«ВОИН УБИВАЕТ ВРАГА»

Приведенное в заголовке русское предложение служит семантическим (не лексическим) примером этого протоиндоевропейского типа предложения. При попытках его реконструкции он ставит исследователя перед лицом многих трудностей и неясностей. Существо их заключается в неясности — а может быть, и в невозможности — реконструировать этот тип предложения для того этапа протоиндоевропейского языка, который мы условно называем «этапом Уленбека».

Как известно, Х. Уленбек (1901 г.) реконструировал такое, а именно переходное, состояние протоиндоевропейского языка, когда происходит перестройка и некоторое взаимное приспособление старой, активно-неактивной языковой системы и новой субъектно-объектной (номинативно-аккузативной) языковой системы. На этом этапе имя

в форме падежа пациенса (т.е. в форме или чистой основы, в основах на сонант, или в форме на *-т, в основах на *-о) может занимать в предложении позицию как субъекта, так и объекта. Такое имя является неактивным (принадлежащим к неактивному классу имен). А активное имя в форме падежа агенса может занимать позицию субъекта. Что же касается позиции объекта, то, чтобы занять ее, активное имя должно было бы приобрести форму пациенса, но последняя исконно и на «этапе Уленбека» является формой неактивных имен. Таким образом, возникает вопрос — в какой форме мог существовать актант «_____ врага» на этом этапе? Более того, парадоксальным образом оказывается, что предложение в форме «Воин убивает врага» не может существовать на «этапе Уленбека» и заведомо не может существовать на более ранних этапах, если они принадлежали к активному строю языка.

Действительно, в языках последовательно активного строя (например, во многих американо-индейских) в таких предложениях, как «Собака змею укусила», субъектом будет имя, соотносящееся с активным личным аффиксом глагола-сказуемого, в данном случае имя «собака». Имя же ближайшего объекта, в данном случае имя «змея», инкорпорируется без показателя в состав сказуемого. В другой разновидности того же типа предложения в языках активного строя ближайший объект соотносится с неактивным аффиксом глагола-сказуемого в словоформе активного глагола (Климов, 1977). В какой материальной форме должен был выступать ближайший объект типа «враг», «человек (убиваемый)» в индоевропейском предложении на «этапе Уленбека», остается неясным.

Существует неясность и в отношении предиката таких предложений. Т.В. Гамкрелидзе и В.В. Иванов (1984 г.) применительно к типу «Человек кладет камень» постулируют в предикате-глаголе показатель 3 л. ед. ч. -е, тот же самый, что в одноактантном предикате-глаголе в предложении типа «Камень лежит». Следовательно, глагол в предложении «Человек кладет камень» содержит в себе экспонент неактивного актанта, выступающего в функции пациенса, т.е. в данном случае актанта «камень». Это, действительно, одна из типичных конструкций такого типа предложений в языках активного строя (ср. выше данные Г.А. Климова).

Но таким образом, по реконструкции Т.В. Гамкрелидзе и В.В. Иванова, получается, что предложения типа «Камень лежит» и типа «Человек кладет камень» имеют в своем глаголе (в 3 л. ед. ч.) один и тот же «экспонент неактивного класса», и тогда перед нами некое специфическое построение типа «Человеком камень лежит» в значении «Человек кладет камень».

Моя точка зрения заключается в том, что именно предложения типа «Человеком камень лежит», «Воином враг погибает» (в значении соотв.

«Человек кладет камень», «Воин убивает врага») реально прослеживаются в виде следов в исторически засвидетельствованных и.-е. языках.

Прежде всего, в качестве таких следов можно привести формы так называемого «супплетивного пассива». Так, в греч. предложение типа «Всадники убили их», трансформируясь в пассив «Они были убиты всадниками», принимает не форму пассива от глагола κτείνω «убивать» (хотя такие формы существуют), а форму актива от глагола «умирать» (ἀπο) θνήσκω: αὐτοί γε ἀπέθνησκον ὅλο ἰππέων (Хен. Суг. VII 1, 48) букв. «сами же они умирали от (рук) всадников». Так же в хет. глагол akī «он умирает» является пассивом к глаголу kuen- «убивать» и означает при таком употреблении «он убиваем». Аналогичные примеры можно привести из других семантических сфер, означающих воздействие одного человека на другого («хулить», «хвалить», «изгонять», «ставить (назначать)» и др.).

Такие обороты обычно объяснялись лексически, как результат табу — запрета на называние убийства и некоторых других физических воздействий, т.е. как явление по своей природе общетипологическое и общечеловеческое. Не отрицая известной роли табу, мы предлагаем, однако, в качестве основного указанное грамматическое объяснение.

Другим проявлением той же изначальной грамматической дефектности типа «Воин убивает врага» оказывается, по-видимому, становление каузативов особого типа, имеющих объектом не вещь, в которой возбуждается процесс (к ним относятся, например, литов. birti — beŕti «сыпать, заставлять сыпаться (какую-либо вещь)»), а человека, в котором, если можно так выразиться, возбуждается некоторое действие или состояние. Таковы литов. žudŷti «губить» при žūti «гибнуть», ст.-слав. гоубити при гывнѣти и т.п. В литовском языке образуется и становится продуктивной группа так называемых «причинных» и «куративных» глаголов, например, при klŷti «ошибаться» — klaidinti «сделать так, чтобы кто-либо ошибся»; при siŷti «шить» — siŷdinti «делать так, чтобы кто-либо сшил, отдавать в пошив». Та же тенденция, осуществляющаяся в иной форме, прослеживается в ведийском языке. Из около 40 примеров каузативов, приведенных в «Грамматике ведийского языка» Т.Я. Елизаренковой (1982 г.), только 6 означают процессы, совершающиеся в вещах.

По-видимому, другим проявлением той же тенденции следует объяснить появление таких специфических трансформаций в др.-инд., как санскр. Devadattah pacati odanaṃ «Девадатта варит рис» > pācayati odanaṃ Devadattena букв. «он варит рис Девадаттой». Последний тип прямо сопоставим с литов. Rugius jie savim veža (Jablonskis) «рожь они собою возят (т.е. на себе)» и с рус. *Достают невесту собою, а ино и Фомою* (Даль).

Б.Х. Балкаров (Нальчик)

ЭРГАТИВНАЯ КОНСТРУКЦИЯ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ЗАПАДНОКАВКАЗСКИХ ЯЗЫКАХ

В западнокавказских языках представлены почти все формы манифестации эргативной конструкции предложения.

В абхазском и абазинском языках, в которых отсутствует склонение, манифестация эргативной конструкции осуществляется формой глагола-сказуемого. Например, абхаз. *АхацIа жьы итфоитI* «Мужчина кушает мясо»; абаз. *ХьацIа жьы итфоитI* «Мужчина кушает мясо».

Это достигается тем, что в нейтральную форму глагола *фара* «кушать» включаются индексы объектно-субъектных членов предложения: *и-т-фоитI*. При этом индексы располагаются в обратном порядке: первое место в форме сказуемого занимает показатель прямого дополнения *-и*, а последнее место занимает показатель подлежащего *-т*, который является глухим вариантом индекса *-д*. Это значит, что показатель прямого дополнения занимает позицию субъекта. Это подтверждается местом индекса подлежащего в номинативной конструкции: абхаз. *АхацIа дIфоитI* «Мужчина кушает»; абаз. *ХьацIа дIфоитI* «Мужчина кушает». В этих предложениях в обоих языках индекс подлежащего в форме сказуемого *-д* занимает первую позицию.

Обратный порядок расположения индексов в форме сказуемого является следствием появления в составе предложения прямого дополнения, под влиянием которого нейтральный глагол превращается в переходный. Его переходный характер проявляется в парадигме спряжения: он теперь изменяется одновременно по лицам объекта и субъекта: *исфоитI, ипфоитI, ихIфоитI, ишвфоитI*. При этом звучание личных показателей членов предложения видоизменяется в составе сказуемого под влиянием ассимиляции, как наблюдается в форме второго лица *ипфоитI*, где индекс *-б* оглушился и перешел в *-п*.

Глагольный способ манифестации эргативной конструкции характерен для кабардинского, адыгейского и убыхского языков: каб. *Жэм лъакъуэ шкIэ иукIыркъым* «Коровья нога теленка не убивает»; адыгейск. *Чэмы лъакъуэ шкIэ иукIырап* «Коровья нога теленка не убивает»; убых. *Гумалъапэ лакы мукун* «Коровья нога теленка не убивает».¹

В этих языках глагольный способ манифестации эргативной конструкции используется главным образом в пословицах и поговорках. Кроме того, этот способ используется во всех случаях, когда в роли субъектно-объектных членов предложения в эргативной конструкции выступают личные местоимения: каб. *Сэ уэ узольагъу* «Я тебя вижу»; адыгейск. *Сэ уэ узольагъу* «Я тебя вижу»; убых. *Сыгъуэ уэгъуэ узбан* «Я тебя вижу».

Глагольная манифестация эргативной конструкции предложения, когда субъектно-объектные члены выражены личными местоимения-

¹ Meszaros. Die pākhy-Sprache. Chicago-Illinois. 1934. S. 139.

ми, связана с тем, что последние в этих языках не получают окончаний именительного и эргативного падежей.

В связи с наличием склонения эргативная конструкция в адыгубыхских языках обычно репрезентируется одновременно формой глагола-сказуемого и падежными окончаниями субъектно-объектных членов, т.е. наблюдается двойное выражение эргативности предложения. Это ярко обнаруживается в кабардинском языке: *Лыхэм лыр йаашх* «Мужчины мясо едят». В этом примере подлежащее стоит в эргативном падеже и оканчивается на *-м*, прямое дополнение — в именительном падеже и оканчивается на *-р*. Индексы этих членов включены в форму сказуемого. Таковыми являются *а* и *и* соответственно. Они расположены в обратном порядке: на первом месте показатель прямого дополнения, а на втором месте показатель подлежащего.

В адыгейском языке наблюдается опускание показателя прямого дополнения в форме сказуемого. В связи с этим двойное выражение эргативности не достигает стопроцентности. Ущербной оказывается глагольная манифестация. Поэтому то же предложение будет выглядеть так — *Лыхэм лыр аашх* «Мужчины мясо едят». В этом предложении именные части оформлены, как в кабардинском языке, но зато формой сказуемого отличается от кабардинского наличием в ней лишь показателя подлежащего *-а*.

Убыхский язык тоже обнаруживает особенности в двойной манифестации эргативной конструкции предложения, вызванные тем, что в нем два падежа, причем только один из них имеет специальное окончание. Поэтому лишь подлежащее получает специфическое окончание, принимает форму эргативного падежа, а прямое дополнение не получает никакого окончания и выступает в абсолютной форме: *ашуакЪан антIа йыкукъа* «охотник убил дракона». В этом предложении подлежащее *ашуакЪан* (охотник) стоит в эргативном падеже и оканчивается на *-н*, а прямое дополнение *антIа* (дракон) — в номинативном падеже и без флексии. Их показатели *ы* (подлежащего) и *й* (прямого дополнения) включены в форму сказуемого и расположены в такой же последовательности, что и во всех западнокавказских языках.

В западнокавказских языках прямое дополнение обладает статусом главного члена предложения. Его присутствие является главным, а в отдельных случаях единственным признаком эргативного строя предложения. Так, кабардинское предложение *сэ щIы совэ* «я землю пашу» отличается от предложения *сэ совэ* «я пашу» только наличием прямого дополнения — *щIы* «земля», выраженного существительным без падежного окончания. Однако конструкции этих предложений разные: первое предложение построено по эргативной конструкции, а второе — по номинативной. Конструктивное различие их обусловлено наличием прямого дополнения или отсутствием его.

При изменении глагола-сказуемого по временам в этих предложениях появляется еще парадигматическое различие: в первом предложении сказуемое будет изменяться по парадигме переходного глагола, а во втором — по парадигме непереходного глагола. Отсюда *сэ щІы зващ* «я землю вспахал» и *сэ сыващ* «я пахал». Значит, лабиальный глагол превращается в переходный под влиянием прямого дополнения.

Аналогичное отмечается в адыгейском и убыхском языках.

Позиция индекса прямого дополнения в форме сказуемого в западнокавказских языках указывает на то, что он является более главным членом, чем даже подлежащее, чей показатель отодвигается на последнее место в составе предиката под его влиянием.

О приоритете прямого дополнения среди главных членов эргативного предложения свидетельствует и тот факт, что под его влиянием нейтральный глагол превращается в переходный в абхазских языках и лабиальный глагол — в переходный в адыгских языках, как это наблюдается в приведенных выше примерах.

В западнокавказских языках как переходное рассматривается не всякое действие, которое переходит на объект. Так, например, глагол *еуэн* «ударить» кабардинцы не воспринимают как переходный, хотя действие, выражаемое им, переходит на объект, причем иногда очень ощутимо.

Уже в инфинитивной форме он обладает признаком непереходности. Таким признаком является краткий гласный -э, который стоит перед показателем инфинитива -н.

В морфологии он изменяется по нормам непереходного глагола: *соуэ* «(я) бью», *йоуэ* «(ты) бьешь». В этих формах показателем непереходности является исходный краткий гласный -э.

В синтаксисе этот глагол требует косвенного дополнения: *сэ уэ сыноуэ* «я тебя бью»; *щІалэр хьэм еуэуащ* «парень собаку ударил». В этих предложениях косвенными дополнениями является личное местоимение -уэ и существительное хьэм. Личное местоимение выступает без падежного окончания, так как оно не получает формы именительного и эргативного падежей, а существительное хьэм стоит в эргативном падеже и оканчивается на -м. Подлежащими являются *сэ* «я» и *щІалэр* «парень». Абсолютная форма подлежащего в первом предложении обусловлена теми же причинами, что и форма косвенного дополнения в нем. Форма именительного падежа у подлежащего во втором предложении указывает на номинативную конструкцию его. Прямой порядок расположения индексов субъектно-объектных членов в форме сказуемого свидетельствует о непереходности данного глагола.

Зато глагол *уыкІын* «убивать» относится к переходным. Его принадлежность к ним проявляется уже в самой форме, где присутствует краткий гласный -ы перед окончанием -н. Его переходный характер об-

наруживается в первой же личной форме в виде отсутствия краткого -э в конце: *соуыкI* «(я) убиваю», *уоуыкI* «(ты) убиваешь».

В синтаксисе переходность этого глагола выражается характером управления, требующего прямого дополнения, как в следующих примерах: *сэ уэ уызоуыкI* «я тебя убиваю», *щакIуэм дыгбуыжъыр йыуыкIащ* «охотник убил волка». Прямым дополнением является личное местоимение -*уэ* в абсолютной форме и существительное *дыгбуыжъыр* в именительном падеже. Подлежащие *сэ* и *щакIуэм* имеют разные формы: первое не имеет падежного окончания, а второе стоит в эргативном падеже.

На принадлежность данного глагола к переходным указывает обратный порядок расположения индексов в его форме, когда он выступает в роли сказуемого.

Это характерно для адыгейского языка.

В абхазском и абазинском языках глагол *асра* «ударить» не может выступать в роли сказуемого в предложении с прямым дополнением, так как он не становится переходным глаголом в силу характера действия, выражаемого им. Зато глагол *ашъра* «убить» выступает в такой роли в этих языках, так как действие, выражаемое им, предполагает какой-то результат.

Следовательно, в западнокавказских языках в роли сказуемого в предложении эргативной конструкции выступает лишь глагол результативного действия, как отмечал еще профессор Н.Ф. Яковлев.

Поэтому более правильно делить глаголы в западнокавказских языках на результативные и нерезультативные, что точнее отражает их природу.

Своеобразны отношения между членами предложения в западнокавказских языках.

В абхазском и абазинском языках именные члены управляют сказуемым. Они вызывают появление в его форме своих индексов, устанавливают порядок их расположения между ними.

В адыгейском, кабардинском и убыхском языках отношения между членами предложения относятся к типу субординации: сказуемое управляет формами остальных членов предложения, а последние в свою очередь управляют формой сказуемого, включая в нее свои показатели. Больше того, подлежащее, выраженное третьим лицом множественного числа, требует прибавления к сказуемому суффикса множественного числа.

Порядок расположения индексов в форме сказуемого указывает на порядок расположения самих членов предложения. Соответствие порядка индексов в сказуемом и порядка самих членов в предложении соблюдалось строго и в прошлом. В настоящее время оно нарушается: члены предложения могут располагаться не так, как их индексы в форме сказуемого.

Постановка индекса прямого дополнения на первое место в форме сказуемого отражает такой взгляд народа, носителя языка, что результат действия важнее, чем сам деятель.

Следовательно, эргативная конструкция предложения в западнокавказских языках — это глубинная синтаксическая структура, которая определяет многие особенности морфологии.

Поверхностная структура этой конструкции в абхазском и абазинском языках одинакова и отличается от поверхностной структуры в адыгейском, кабардинском и убыхском языках. Отличие это выражается в способах выражения синтаксических отношений между членами предложения.

Особенности манифестации эргативной конструкции предложения в западнокавказских языках имеют большое значение для исторической грамматики. Они указывают на историю развития эргативной конструкции и способов ее репрезентации в этих языках.

Начальную стадию формирования этой конструкции сохраняют абхазский и абазинский языки. Следующий этап сохраняет убыхский язык, где уже оформляется эргативный падеж. Дальнейшее развитие это синтаксическое явление получило в адыгских языках. В них глагол дифференцировался на результативный и нерезультативный. Такое деление глагола получило морфологическое выражение как в инфинитиве, так и в личных формах. Кроме того, в этих языках появилась флексия именительного падежа, которая стала оформлять и прямое дополнение.

В.Н. Чекмонас (Вильнюс)

ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ ГУТТУРАЛЬНЫЕ В ГЕНЕТИКО-ТИПОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

В докладе с типологической точки зрения анализируются фонологический статус, возможные фонетические реализации и проблемы эволюции и.-е. согласных *k̥, *ḡ^[h], *k̥^[h], названных Т.В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Ивановым «палатализованным рядом велярных смычных» («Индоевропейский язык и индоевропейцы», т. I, Тбилиси, 1984, с. 94–95), или и.-е. *k̥, *ḡ(h) в традиционных реконструкциях.

1. Палатализованными согласными после работ О. Брока принято называть «мягкие» звуки, которые принадлежат к какому-либо локальному ряду (лабиальному, дентальному, велярному) и имеют так наз. «дополнительную дизонную тембровую окраску». Эта тембровая окраска создается за счет хорошо исследованных видоизменений в артикуляции согласных соответствующих рядов. Иными словами, палатализованность не является признаком локального ряда (места образования) согласных. По этой причине «палатализованный ряд

велярных», используемый в указанной выше работе, является анахронизмом. Сохранение его обусловлено тем, что при описании фонологических систем языка в терминах дифференциальных признаков Якобсона — Халле — Фанта (и всех предложенных впоследствии модификаций их терминологии) палатализованные и палатальные согласные трактуются одинаково — как «дизезные согласные». Между тем палатальные согласные обычно образуют отдельный (вторичный, по Н.С. Трубецкому) локальный ряд и отличаются от палатализованных специфической среднеязычно-среднеязычной артикуляцией.

2. Тембровая корреляция непалатализованных — палатализованных согласных (C — C') и палатальный ряд (Ć) не только глубоко различные синхронические подсистемы согласных. Диахронические механизмы их становления и эволюции также неодинаковы. Для целей нашего доклада важно обратить внимание на следующее.

Палатальный ряд возникает или в результате свертывания тембровой корреляции C — C', или же в результате позиционного смягчения всех или части согласных одного из локальных рядов (чаще всего — ряда задненебных; несколько реже — части зубных согласных и т.д.). Обычно C > Ć происходит перед гласными переднего ряда и j; гораздо реже гуттуральные становятся палатальными перед гласными переднего ряда (палатализация дентальных в этой позиции не отмечена). При палатализации стадия C' не обязательна. Взрывные палатальные обычно изменяются в палатальные аффрикаты с последующим преобразованием их во фрикативные; гораздо реже палатальные взрывные дают рефлексы (напр., интердентальные). Палатальные фрикативные, как правило, превращаются в двухфокусные типа š. Не обнаружено случаев перехода палатальных взрывных (типа t', d') и палатальных фрикативных (типа š, ž) в ближайшие им по ряду твердые согласные без перечисленных выше модификаций, т.е. изменений типа k > k', g > g', x > x', t > t', d > d', s > s', z > z'. В то же время отвердение палатальных возможно на любом ином этапе их эволюции, например, k > c > c', k > c' > č > č', k > c' > š > s, k > č > š > š'. Палатализованные согласные C', наоборот, довольно часто отвердевают с сохранением места своего образования; параллельно с собственно депалатализацией C' > C некоторые палатализованные дают рефлексы Ć с обычными для последних правилами диахронических изменений.

3. Известные рефлексы и.-е. *k̑, *g̑^(h) показывают, что их с полным основанием можно трактовать как палатальные согласные, представлявшие самостоятельный палатальный ряд. Если это так, то общеевропейский характер палатальных *k̑, *g̑^(h) ставится под сомнение, поскольку гуттуральные согласные в языках группы *кентум* не могут быть их рефлексами. Проблема образования предполагаемых и.-е. палатальных *k̑, *g̑^(h) была бы решена, если бы удалось установить пози-

ции палатализации предшествующих им гуттуральных. Как известно, сделать этого пока не удается.

4. Дальнейшее исследование данной проблемы будет продолжено в двух направлениях. Прежде всего необходимо составить полный список лексем с предполагаемыми и.-е. палатальными и попытаться выяснить хотя бы статистически преобладающие позиции их появления. Если же будет убедительно доказана невозможность определить такие позиции, то придется считаться с двумя возможностями: а) палатализация * \bar{k} , * $\bar{g}^{(h)}$ в части и.-е. диалектов очень древняя и условия ее затемнены последующими изменениями; верифицировать предположение возможно путем сопоставления результатов внутренней реконструкции истории палатальных в языках с длительной и хорошо известной историей; б) и.-е. палатальные возникли из таких согласных, которые могли давать и палатальные, и гуттуральные не обязательно в позициях, обычных для палатализации $C > \bar{C}$. В принципе такими согласными могут быть или мягконебные гуттуральные типа \bar{q} , \bar{q} , \bar{x} , или же согласные с эмфатической палатализацией (Трубецкой Н.С. Основы фонологии. М., 1960, с. 154; Структурные общности кавказских языков. М., 1978, с. 101, 116–117).

5. Аналогичные проблемы встают при изучении и.-е. лабиовелярных. Если принять, что лабиализация не была характерна для согласных других рядов, то реконструируемые, по крайней мере для части и.-е. диалектов, лабиовелярные действительно составляли отдельный локальный ряд. Простая утрата лабиальности без модификации как самой фонемы, так и последующих гласных — явление хотя и редкое, но в принципе возможное. Учитывая это, можно считать, что гипотеза о делабиализации лабиовелярных в части и.-е. диалектов типологически правдоподобна. Признание лабиовелярных праиндоевропейскими фонемами снимает необходимость исследования их происхождения, поскольку это выходит за рамки собственно индоевропейистики. Но допустим, это все же и.-е. диалектное явление. Известно, что лабиализацию согласные приобретают в определенных позициях — перед лабиальным гласным (как правило, с последующей делабиализацией последних типа $Co > C^u e$ при фонологизации лабиализованных) или же перед \bar{u} (w) в результате фонологизации сочетаний $C + \bar{u}$ (w) $V > C^u V$. Поэтому возможно, как уже говорилось, или признать их праиндоевропейскими фонемами, или же предположить, что они, как и простые велярные в соответствующих словах языков *самэм*, восходят к какому-либо третьему источнику — например, к эмфатически веляризованным согласным (о природе которых см.: Трубецкой, указ. соч., с. 154–155). Реализация намеченной программы типологического исследования и.-е. лабиовелярных и палатальных затруднена тем, что эмфатически палатализованные согласные, как и иные принципиально

возможные, но более редкие источники палатальных и лабиовелярных звуков, слабо изучены в синхроническом и диахроническом отношениях.

В.Э. Орел (Москва)

**К ИЗУЧЕНИЮ РЕЛИКТОВЫХ
ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКОВ БАЛКАНСКОГО
ПОЛУОСТРОВА. ПРОБЛЕМА ЭТИМОЛОГИЧЕСКОЙ
ДОСТОВЕРНОСТИ МАТЕРИАЛА**

При изучении реликтовых и.-е. языков Балкан, представленных лишь ономастикой, глоссами и считанными текстами, особое значение приобретают исследовательские процедуры «предварительного» характера — филологическая критика исходных данных и верификация этимологических решений. В прямой зависимости от этих процедур оказываются все дальнейшие исследования, включая определение места того или иного реликтового языка в кругу других индоевропейских, характеристику фонологического (а отчасти и грамматического) строя и т.п. Причины такого положения очевидны, как очевидно и выраженное выше понимание специфического статуса реликтовых языков; эта очевидность, однако, далеко не всегда реализуется на практике, что приводит к грубым искажениям лингвистической реальности.

Примером может служить распространенная концепция специфических связей фракийского (и других др.-балк. языков) с (континентальным) кельтским, развивавшаяся рядом исследователей (Н. Wagner, В.П. Нерознак и др.). В основе этой концепции — безусловный факт существования довольно многочисленных фрако-кельтских ономастических параллелей. Однако интерпретация этого факта в духе генетической близости кажется сейчас спорной. Сознывая это, некоторые ученые ограничиваются констатацией ономастических тождеств без дальнейшей интерпретации (D.E. Evans). Первые шаги в направлении верного, как нам кажется, истолкования этих тождеств сделал В. Бешевлиев, который предложил понимать отдельные фрако-кельтские параллели как результат континентальных кельтских ономастических вкраплений на территории Фракии и — шире — Балкан, хотя не все его конкретные решения кажутся удачными.

Сплошной анализ фракийского ономастикона на предмет выявления в нем чисто кельтских элементов (которые, таким образом, ошибочно считать фракийскими) был проведен нами с учетом необходимых процедурных требований (отбор названий, непрозрачных на фракийской почве, но с очевидностью членяемых в морфологическом плане «с кельтской точки зрения»); подробно наши результаты излагаются в работах, публикуемых в ВДИ (1987, № 5) и Bull. of the Board of Celt. St.

(1987). Здесь мы ограничимся кратким перечнем псевдофракийских (resp. кельтских) имен собственных, обнаруживаемых в Detschew Die thr. Sprachreste: МН Loukounánta (ср. галл. lugu- в составе композит, теонимы галл. Lugus, ирл. Lug(h) и валл. pant 'долина, поток', галл. pantu- в композитах); ЛИ Beithukenthos, с графич. вариантами (ср. галл. bitu- в композитах, ирл. bith, валл. byd 'мир' и галл. cintu- в композитах, ирл. céт- 'первый' и под.); ЛИ Bithus, с графич. вариантами (ср. выше); ЛИ Kenthos, Kintos (= галл. ЛИ Cintus); ЛИ Bithipel (ср. валл. pell 'далекий', корн., брет. pell); ЛИ Dinikenthos, с графич. вариантами (ср. ирл. dín 'защита', галл. dino- в композитах); ЛИ Markéntios (ср. галл. maro- в композитах, ирл. mór, már, валл. mawr 'великий' — в данном ЛИ с синкопой); ЛИ Trikéntios (ср. галл. tri- в Tri-garanos); ЛИ Katomaros (= галл. ЛИ Catumarus); ЛИ Marúkatos (ср. галл. catu- в композитах, ирл. cath, валл. cad 'битва'); ЛИ Katoubêa (ср. континент. кельт. *biwā 'живая', ирл. béo, валл. byw 'живой', галл. bi(v) o- в композитах); ЛИ Bioëris (из континент. кельт. *biwo-wir-, ср. ирл. fer 'муж', валл. gŵr, брет. gour); ЛИ Kasignakis (образование с суфф. *-āko- и основой, идентичной огам. Cassigni = ирл. ЛИ Caissín); МН Kasibónōn (ср. галл. cassi- в композитах и -bona в композитах); ЛИ Zmertomaros, Smertomára (ср. галл. smerto- в композитах).

Помимо названных сложений как чисто кельтские трактуются и некоторые одноосновные имена (ср. фрак. Agillas, Benilos, Bértiskos, Mogita = галл. Agillius, Agilio, Venilla, Vertiscus, mogi/et- в композитах), а также апеллативы, ср. дак. rathibída 'Schamkraut', объясняемое нами из кельт. *rati-wid- 'древесный папоротник' (галл. ratis 'папоротник', ирл. raith и галл. vidu- в композитах, ирл. fid 'дерево', валл. gwydd). Весь описанный материал связан с проникновением кельтского этнолингвистического элемента на Балканы и не имеет отношения к проблеме фрако-кельтских генетических связей.

В.П. Яйленко (Москва)

НОВЫЕ ГАПАКСЫ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ

Основной источник пополнения наших сведений о словарном фонде древнегреческого языка — новые папирусы из Египта и надписи, обнаруживаемые в различных областях греческого мира. Мы рассмотрим гапаксы, содержащиеся в надписях Северного Причерноморья, найденных в последние два десятилетия. В частном письме рубежа VI–V в. до н. э., найденном на острове Березань, представлены два гапакса. В выражении «лишил *φορτηγεσίῳ*» стоящий в родительном падеже гапакс может иметь номинативную форму *φορτηγέσιος* или *φορτηγέσιον*, значение которых, по безусловной связи с глаголом *φορτηγεῖν* «перевозить грузы», соответственно «тот, кто перевозит грузы, фортегет» и «перевозка грузов». В выражении «доставить в город мать и братьев» *IESSINENAPBINATHISIN* избежать предлагавшихся конъектур по-

зволяет чтение $\dot{\iota}\epsilon\zeta \sigma\acute{\iota}\nu\epsilon\nu \text{ Ἀρβινάτησιν}$ «так как он (Матасий) хочет вредить в Арбинатах», где причастие $\dot{\iota}\epsilon\zeta$ (= $\dot{\iota}\epsilon\acute{\iota}\zeta$) с редким активным значением «желать сделать что-либо» образует причинный оборот, а $\sigma\acute{\iota}\nu\epsilon\nu$ (= $\sigma\acute{\iota}\nu\epsilon\iota\nu$) — впервые засвидетельствованный ионийский инфинитив активного залога к упомянутой единственно Галеном (т. XV, р. 662 Kühn) форме $\sigma\acute{\iota}\nu\omega$ (обычно данный глагол употребляется, за двумя отмеченными исключениями, в среднем залоге: $\sigma\acute{\iota}\nu\omicron\mu\alpha\iota$ etc.)

Рассмотрим теперь гапаксы в боспорских надписях. В опубликованном Т.В. Блаватской (Эпиграфические памятники древней Малой Азии и античного Северного и Западного Причерноморья как исторический и лингвистический источник. М., 1985, с. 118 сл.) графито V в. до н.э. из Зенонова Херсонеса на Керченском полуострове, в котором перечисляются имена и доли единицы при каждом имени, содержится ряд гапаксов среди числительных, располагающихся в следующем порядке: $\eta\mu\acute{\iota}\tau\epsilon\tau\alpha\rho\tau\omicron\nu$ (= 1/8), $\tau\rho\acute{\epsilon}\sigma\tau\epsilon\sigma\sigma\acute{\omicron}\zeta$ (?), $\eta\mu\acute{\iota}\tau\epsilon\tau\alpha\rho\tau\omicron\nu$ (= 1/8), $\tau\rho\acute{\epsilon}\sigma\tau\epsilon\sigma\sigma\acute{\omicron}\zeta$ (?), $\acute{\epsilon}\kappa\tau\eta\nu\tau\epsilon\sigma\sigma\acute{\omicron}\nu$ (?), $\eta\mu\acute{\iota}\sigma\upsilon\eta\mu\acute{\iota}\epsilon\kappa\tau\omicron\nu$ (= 1/12), $\tau\rho\eta\sigma\tau\epsilon\sigma\sigma\acute{\omicron}\zeta$ (?). В этих гапаксах—обозначениях долей единицы неизвестная составляющая - $\tau\epsilon\sigma\sigma\acute{\omicron}\zeta$, - $\tau\epsilon\sigma\sigma\acute{\omicron}\nu$ (ss передано буквой сампи — Т) употреблена во множественном числе — $\tau\epsilon\sigma\sigma\acute{\omicron}\zeta$ (- $\acute{\omicron}\zeta$ — это окончание аккузатива мн. числа - $\acute{\omicron}\zeta$) при числительном $\tau\rho\acute{\epsilon}\varsigma$ (= $\tau\rho\epsilon\acute{\iota}\zeta$), тогда как при обозначении доли единицы $\acute{\epsilon}\kappa\tau\eta\nu\tau\epsilon\sigma\sigma\acute{\omicron}\nu$ она употреблена в единственном числе, на основании чего восстанавливается номинативная форма *- $\tau\epsilon\sigma\sigma\acute{\omicron}\zeta$. В греческом -ss- образуется из интервокальных сочетаний $k\acute{\iota}$, $ch\acute{\iota}$, $th\acute{\iota}$, $t\acute{\iota}$, $t\upsilon$, из которых в образовании количественных числительных принимало участие $t\upsilon$: ионийское $\tau\acute{\epsilon}\sigma\sigma\epsilon\rho\epsilon\varsigma$, аттическое $\tau\acute{\epsilon}\tau\tau\alpha\rho\epsilon\varsigma$ «4» (< * $k^u\acute{e}t\upsilon\epsilon\tau$), почему резонно видеть в *- $\tau\epsilon\sigma\sigma\acute{\omicron}\zeta$ ту же, но сокращенную основу * $t\epsilon t\upsilon$ -os. Значение ее — «четверть», так как все числительные данной надписи обозначают доли единицы. Отсюда значение слова $\tau\rho\acute{\epsilon}\sigma\tau\epsilon\sigma\sigma\acute{\omicron}\zeta$ — «три четверти» (pluralis !), а $\acute{\epsilon}\kappa\tau\eta\nu\tau\epsilon\sigma\sigma\acute{\omicron}\nu$ — «четверть одной шестой доли» (= 1/24).

Если гапаксы раннего времени являются таковыми преимущественно вследствие недостаточной документированности лексики письменными памятниками, то гапаксы позднего, римского, времени зачастую представляют собой неологизмы местного происхождения. Так, в акте II в. н.э. из Горгиппии об отпуске рабыни на волю читается наречие-гапакс $\acute{\epsilon}\xi\omicron\upsilon\sigma\acute{\iota}\omega\zeta$, образованное от незасвидетельствованного прилагательного $\acute{\epsilon}\xi\omicron\upsilon\sigma\acute{\iota}\omicron\varsigma$, восходящего к существительному $\acute{\epsilon}\xi\omicron\upsilon\sigma\acute{\iota}\alpha$ «возможность или право делать что-либо по своему усмотрению» (см. сб.: Надписи и языки древней Малой Азии, Кипра и античного Северного Причерноморья. М., 1987, с. 142. Здесь же, на с. 58, см. о гапаксе $\nu\alpha\lambda\omicron\upsilon\rho\acute{\iota}\sigma\alpha(\sigma\alpha\nu)$).

Два неологизма создал автор стихотворной эпитафии I в. до н.э. из Пантикапея (см. сб.: История и культура античного мира. М., 1977,

с. 25. Здесь же, на с. 216 сл. см. о боспорском гапаксе ἀριστοπυλείται). Прилагательное ἐνεδρεύτειρα «сидящая в засаде» образовано от прилагательных же ἐνεδρευτής «заманивающий в ловушку», ἐνεδρευτικός «подходящий для засады», причем окончание -ира подобрано для созвучия в пандан окончанию стоящего рядом прилагательного πικρά «горькая». Прилагательное κελαινόροφος «темноверхий» (буквально «с черной крышей») образовано из слов κελαινός «черный» и ὄροφος «крыша». Автора данной эпитафии вообще отличает стремление к новизне языка и необычным оборотам. Так, слову γάζα «казна, казнохранилище» придан оттенок «сокровище» применительно к характеристике достоинств покойной. Авторской инновацией является оборот ταῦτα τέτειχ' ὁ βίος «так устроена жизнь».

Приведенные гапаксы придавали своеобразный местный колорит языку древних обитателей Боспора и Березани. Не исключено, что возникновение ряда местных гапаксов обязано в какой-то мере влиянию слов и конструкций туземных языков, из которых в греческий язык обитателей Северного Причерноморья делались также заимствования, как, например, до сих пор не объясненное удовлетворительно слово σαστρη из клятвы херсонеситов III в. до н. э.

Л.С. Баюн (Москва)

ХЕТТО-ЛУВИЙСКИЙ И ИНДОЕВРОПЕЙСКИЙ

Современное состояние лингвистической реконструкции в хетто-лувийском языкознании позволяет на новом уровне рассмотреть отношения хетто-лувийских языков между собой и с другими индоевропейскими языками.

Основными особенностями хетто-лувийского языкового строя в области фонетики и фонологии являются следующие: (1) отсутствие палатализации гуттуральных (подобно западноиндоевропейским языкам), кроме позиции перед *u*; (2) противопоставление в исторический период двух рядов согласных взрывных (напряженных и ненапряженных), которому предшествовала система, содержащая три ряда; (3) специфическое развитие старых слоговых сонантов **m*, **n*, **ŋ*, **l*; (4) сохранение двух ларингалов — **h* и **h'*, подтверждаемое как собственно хетто-лувийским материалом, так и данными внешнего сравнения; (5) сохранение количественных противопоставлений в подсистеме гласных.

В области именной морфологии восстанавливается система, включающая два рода (соответствующих «активному» и «инактивному» именным классам), три числа — единственное, множественное и двойственное и четыре падежа — падеж субъекта, падеж прямого объекта, падеж косвенного объекта — адресата действия, а также падеж, передающий отношение, принадлежность и т.п. Из перечисленных падежных

граммам только две первые самостоятельно реализуются во множественном и двойственном числе.

Для глагольного словоизменения реконструируется простейшая система оппозиций двух времен (презенс: перфект), двух наклонений (индикатив: императив) и двух залогов (актив: медиопассив). Исследования последних десятилетий выявили особую роль распределения глагольных форм по двум сериям, первичного по отношению к другим грамматическим противопоставлениям.

Хетто-лувийский синтаксис характеризуется широким использованием начальных комплексов энклитик, которые хорошо описываются посредством грамматики рангов. Восстанавливаются два типа основной синтаксической структуры — с глаголом в конечной позиции и с глаголом в абсолютном начале. Оба эти порядка возможны в главном предложении; в придаточном — только первый (существенно, что конечная позиция предиката или предикативной группы типична для большинства древних индоевропейских языков Передней Азии).

Многие из перечисленных, как и некоторые другие черты хетто-лувийского грамматического строя, несомненно, отражают архаизмы, присущие в той или иной мере различным индоевропейским языкам. В то же время необходимо отметить поразительно небольшое число общих хетто-лувийских новообразований, к которым можно отнести, в частности, творительный падеж на дентальный смычный, развившийся из непарадигматических форм наречного типа, или генитив «активных» имен на *-an.

Подавляющее большинство хетто-лувийских инноваций носит ярко выраженный ареальный характер. С точки зрения эволюции фонетического строя хетто-лувийская диалектная область распадается на два больших ареала, граница между которыми проходит с северо-востока Анатолии на юго-запад; в первом развивается противопоставление ряда согласных по палатальности, во втором — по придыхательности. Это деление совпадает с изоглоссами в области именной морфологии, связанными с различными моделями образования парадигм множественного числа.

С другой стороны, целый ряд явлений свидетельствует о том, что отмеченное разделение внутри хетто-лувийской группы (хеттский, палайский, лидийский // лувийско-ликийский, сидетский и др.) могло быть относительно поздней группировкой ранее разошедшихся диалектов. Даже в такой сравнительно однородной подгруппе, как лувийско-ликийская (отношения внутри которой обычно интерпретировались исследователями как результат дивергентного развития лувийского языка), можно констатировать особое положение милийского (ликийского В), в глагольном словоизменении которого обнаружена не

известная другим хетто-лувийским языкам оппозиция длительных и аористических корней, находящая параллели в греко-индоиранском ареале. Не менее важны выявленные в недавнее время лексические изоглоссы, объединяющие милийский с некоторыми реликтовыми балканскими языками и датируемые серединой II тыс. до н. э., что хорошо согласуется с тезисом о присутствии в это время лувийских этнических группировок в северо-западном углу Малой Азии.

Что касается хеттского, палайского и лидийского языков, их раздельное существование несомненно для рубежа III–II тыс. до н. э. В палайском засвидетельствованы отдельные общехуррито-урартские заимствования (отсутствующие в других хетто-лувийских языках), которые могут восходить к середине III тыс. (*terminus ante quem* для общехуррито-урартского). Особую проблему представляет лидийский язык (в работах прошлых лет обычно рассматривавшийся как позднехеттский диалект), который обнаруживает структурную общность и ряд лексических сходжений с языками северокавказского ареала, что *ipso facto* снимает тезис о его «поздnehеттском» характере.

Таким образом, для рубежа III–II тыс. до н. э. можно говорить о раздельном существовании нескольких хетто-лувийских диалектных подгрупп: а) хеттской, б) лувийско-ликийской, в) палайской, г) лидийской. (На более ранней стадии лувийско-ликийский и палайский объединялись, вероятно, в одну группу.) Некоторая модификация предложенной схемы, возможно, будет вызвана обнаруженными в последнее время лексическими сходжениями между отдельными хетто-лувийскими и некоторыми индоевропейскими и неиндоевропейскими (ностратическими) языками, что, очевидно, будет иметь последствия для реконструкции общехетто-лувийского состояния.

В.В. Мартынов (Минск)

ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ СЛАВЯНСКОЙ ТЕОНИМИИ

Трудности, возникшие при попытках реконструкции праславянской теонимии, разнообразны и разноплановы. В определенной степени они могут быть объяснены тем, что славяне к началу своего выхода на историческую арену дважды поменяли свои сакральные представления. Предполагается, что древнее язычество подвергалось сильному влиянию дуализма иранского типа, который, так и не одержав победы, в свою очередь был вытеснен христианством. При этом в мировоззрении славян сохранились реликты прежних верований, представляющих достаточно пеструю картину. Только благодаря сохранности этих реликтов мы можем со значительной долей достоверности, соблюдая правила ретроспекции, восстановить праславянское состояние.

Следует помнить, что реконструкция мифологии основана на постоянном и последовательном сочетании методов лингвистической

компаративистики с семантическим анализом текстов. В настоящее время в качестве наиболее показательных в этом отношении признаются произведения древнерусских авторов.

Мы начнем рассмотрение славянской теонимии с прасл. *divъ. Из разного рода независимых друг от друга источников известно, что divъ — это ‘злой дух, выступающий в виде птицеобразного существа, живущего на дереве’. Данные лингвистической компаративистики подтверждают справедливость семантического анализа. В результате мы получаем коррелирующую пару bogъ ‘бог’ — divъ ‘демон’, точно соответствующую аналогичной иранской паре и возникшую как следствие преобразования первичной еще индоевропейской пары *divъ ‘бог, небесный’ — *zmaǵь ‘человек, земной’. После того, как иранизм (скифизм) bogъ вытеснил divъ из позиции ‘небесный’ («верхний мир»), последнее заняло позицию в «среднем мире», т. е. в мире леса, деревьев (ср. лат. *medium* ‘середина’ и др.-прус. *median* ‘дерево’). Отсюда понятно, почему прасл. divъ(ǵь) получило в ряде славянских языков значение ‘леший’ (‘лесной дух’).

Преобразование древнего язычества в дуалистическую систему зороастрийского типа привело к выделению пары божеств, противопоставленных друг другу как ‘добрый бог’ — ‘злой бог’.

В киевском пантеоне языческих богов есть пара, которая структурно подходит под это определение. Это Дажьбог и Стрибог. Они соседи по спискам богов, и их имена имеют аналогичную словообразовательную структуру. В отношении второго имени уже давно была выдвинута этимология, согласно которой *striboǵь* < иран. *stribaγa*, т.е. ‘хороший, добрый бог’. Естественно в этом случае толковать имя Дажьбога как ‘злого бога’. Такое толкование становится возможным, если принять для него в качестве исходной формы иран. **duǵ-baγa* ‘злой бог’. Этот словообразовательный тип продуктивен на иранской языковой почве (ср. др.-иран. *duǵ-daena* ‘еретик, зло верующий’). Если принять данную этимологию, придется считать изначальной сербско-хорватскую форму Дажбог (~ прасл. **dъz-bogъ*), точно соответствующую иранской, а др.-рус. Дажьбогъ, серб.-хорв. *Dâjboǵ* и др., измененными по аналогии с рефлексам императива от глагола *dati*.

В некоторых списках богов древнерусских памятников и в «Слове о полку Игореве» встречается имя Трояна, которое по ряду причин нельзя идентифицировать, как это делают некоторые исследователи, с именем римского императора Траяна. Мы этимологизируем *Trojǵanъ* следующим образом: прасл. **Trojǵanъ* < *trojъ* ‘тройственный’ + *anъ* (ср. *buǵь* ‘буйный’ > *buǵanъ* ‘буян’). Семантически это имя восходит к др.-иран. *Θraētaona*, др.-инд. *Tritáḥ*, *Traitanaḥ*, которые означают ‘тройственный’, что объясняется тем, что герои, носящие эти имена, имеют троих сыновей и являются родоначальниками, прародителями для народно-

стей, которые они представляют. При этом следует иметь в виду, что Троян, упоминаемый в «Слове о полку Игореве», также является родоначальником, и поэтому следует ожидать в нем отражение скифской традиции, которая, как мы видели, характерна для славянских богов «второго ранга». Исконно славянскими, имеющими индоевропейские соответствия, остаются имена Перуна и Велеса.

Б.И. Скупский (Махачкала)

К ВОПРОСУ ОБ ОРИГИНАЛЬНОСТИ СЛАВЯНСКОГО ДАТЕЛЬНОГО САМОСТОЯТЕЛЬНОГО

1. По этому вопросу известны два мнения.

- а) Мнение, согласно которому слав. дательный самостоятельный (везде ниже — ДС) является исконной, оригинальной слав. конструкцией. Оно поддерживается подавляющим большинством ученых. К числу важнейших аргументов в его пользу относится более широкое распространение ДС в слав. текстах по сравнению с родительным самостоятельным (везде ниже — РС) в греч., т.е. употребление ДС не только для передачи греческого РС, но и там, где в греч. тексте находятся различные другие конструкции.
- б) Мнение, согласно которому славянский ДС является греческим заимствованием. Оно поддерживается немногими учеными: Ю. Крижаничем, И.М. Белорусовым, Л. Нечаском, Г. Бирнбаумом, Р. Вечеркой и др. Ю. Крижанич объяснял возникновение ДС в слав. текстах простым внешним сходством графического изображения славянского ДС с греч. РС (ср.: *идущу ему* и *πορευόμενου αὐτοῦ*); другие авторы утверждают о возможности перевода греческого РС славянским ДС на основании близости или соответствий некоторых значений греческого род. и славянского дат. падежей.

2. Обе трактовки генезиса славянского ДС в древнейших слав. текстах не являются достаточно убедительными. Дело в том, что исследователи славянского ДС руководствуются, как правило, показаниями лишь какого-то одного греч. текста, который принимается как эквивалент греч. оригинала, и определенного старослав. памятника, который рассматривается как эквивалент первоначального слав. перевода; в лучшем случае учитываются показания нескольких греч. текстов и всех старослав. памятников. Так как, однако, ни первоначальные слав. переводы, ни их греч. оригиналы нам не известны, то такого рода источники не могут дать надежного материала для объяснения славянского ДС, в том числе для удовлетворительного разрешения вопроса о его происхождении.

Нами славянский ДС исследован на материале почти всех известных слав. рукописей Евангелия различных изводов и структурных ти-

пов до XIII–XIV в. включительно (всего 37) и практически всех греч. рукописей четвероевангелия различных редакций, а также древнейших рукописей краткого и полного апракосов (всего греч. рукописей 146); учтены также показания латинского и готского переводов.

3. Исследование славянского ДС на таком обширном материале позволило сделать новые заключения об отношении этого оборота к греч. РС (а также к другим греч. конструкциям), которые могут считаться достаточно убедительными, так как основаны на показаниях почти всех сохранившихся до наших дней греч. и слав. источников. В их числе следующие.

- а) Широко распространенное убеждение, что славянский ДС свободно употреблялся не только для перевода греческого РС, но и там, где в греч. оригинале находились различные другие конструкции, представляется необоснованным. В действительности оказалось, что:
 - в одних случаях ДС в слав. переводе был неизбежен как точное соответствие греч. дательному при передаче греч. зависимых причастных оборотов в дат. (напр.: **ѿ прѣходѣшю иѣви по нѣмь ѿдете в слѣпца** в соответствии с καὶ παράγοντι τῷ Ἰησοῦ ἠκολούθησαν αὐτῷ δύο τυφλοὶ — Мф IX. 27);
 - в других случаях ДС был употреблен в слав. переводе в соответствии с греч. РС, а не для передачи других греч. конструкций, как это обычно представляется; так, в Л XXIII.45 ДС **слъньцю мръкъшю** был употреблен в соответствии с РС τοῦ ἡλίου ἐκλιπόντου, а не для передачи простого двусоставного предложения ἐσκοτίσθη ὁ ἥλιος, как думали Ф.И. Буслаев и многие другие ученые.
- б) Встречающиеся в слав. памятниках конструкции типа **хвалѣ въздавъше ѣю** (И V. 13), т.е. с причастием в им. на месте «предиката» ДС, не являются свидетельством отмирания живого ДС, как утверждают некоторые ученые, а появились в результате последующего редакторского исправления — замены двузначного (в этом месте слав. перевода) ДС более ясным причастным оборотом в им.

Изложенное свидетельствует об общей несостоятельности мнения об оригинальности (= исконности) славянского ДС (в пределах свидетельств евангельских текстов).

4. Материал наших источников позволил предложить новое объяснение происхождения ДС в первоначальном слав. переводе Евангелия. Представляется, что ДС появился как точное соответствие греч. зависимому причастному обороту в дат. (см. выше пример из Мф. IX. 27). Возникший таким образом, славянский ДС был затем повсеместно использован первыми переводчиками для передачи греческого РС — конструкции, которой не было точного соответствия в арсенале живых

слав. синтаксических средств, а частично также и в отдельных других случаях, напр. для передачи конструкции типа «*ѣν τϕ* + инфинитив», которой тоже не было определенного слав. соответствия¹.

А.Н. Залесский (Киев)

НЕКОТОРЫЕ СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ФОНЕТИКИ УКРАИНСКОГО ЯЗЫКА

1.1. Почти столетие в славистике продолжается острая дискуссия по поводу характера вторичного смягчения согласных перед *e*, *u* в протоукраинских говорах древнерусского языка. Принявший участие в этой дискуссии А.Н. Савченко навел ряд неопровержимых доказательств в пользу концепции отсутствия смягчения согласных перед *e*, *u* в юго-западной диалектной зоне древнерусского языка. Недавно, однако, О.В. Малкова предприняла попытку доказать, что среди диалектов южной зоны были и такие, которые пережили вторичное смягчение согласных перед *e*, *u*. На основании ряда написаний в Галицком евангелии 1266–1301 гг. в группах согласных графем *ѣ* и *ѵ* в зависимости от последующего слога с гласным переднего или заднего ряда делается вывод, что в случаях типа **книжникъ, съверѣте** буква *ѣ* отражает ассимиляционное смягчение в группах согласных, последний член которых смягчился перед *e*, *u* (ВЯ, 1980, № 6). Вывод О.В. Малковой мог бы служить доказательством, если бы не то обстоятельство, что в ряде старославянских памятников наблюдается ассимилятивное варьирование гласных смежных слогов, т.е. своеобразный межслоговой сингармонизм: **дѣва–дѣвѣ, мѣнож–мѣнѣ, тѣмѣ–тѣма** и др. (А. Ваян, Р. Нахтигал, Л. Мошинский, А.М. Селищев). Заметим, кстати, что вокальная ассимиляция по-разному проявляется и в современных украинских говорах.

1.2. В пользу гипотезы об отсутствии вторичного смягчения перед *e*, *u* свидетельствуют и случаи наличия в украинских говорах примеров выделения мягкости губных в отдельную *й*-артикуляцию только перед **ѣ, ѡ** и **ѣ** в новозакрытом слоге (*пов'ѣѣоз, дон'ѣѣк, в'ѣѣтер, б'ѣѣели, н'ѣѣеч, м'ѣѣати, в'ѣѣанути* и др.) и отсутствие такого выделения мягкости перед *e*, *i* (*вес'ѣна, 'берег, не'ред, 'мести, 'пѣти, 'пиво, ви'но, 'битва, 'мѣлий, 'винний* и др.).

¹ Подробнее об источниках, методике исследования и проблеме происхождения славянского ДС см. в статьях докладчика, опубликованных в следующих журналах и сборниках: «*Studia palaeoslovenica...*», Praha, 1971; «Сборник научных сообщений (филология)», Махачкала, [Дагестанский гос. ун-т], 1971; НДВШ. ФН, 1973, № 4; «*Slovo...*», № 23 и 27, Zagreb, 1974 и 1977; «*Bereiche der Slawistik...*», Wien, 1975; ВЯ, 1977, № 2; «Советское славяноведение», 1977, № 3; «*Wiener slavistisches Jahrbuch*», Bd. 25 и Bd. 30, Wien, 1979 и 1984; «Единицы морфологии и синтаксиса в семантическом аспекте», Ростов-н/Д., 1979; «Актуальные вопросы изучения и преподавания старославянского языка». М., 1984.

1.3. В последнее время все больше специалистов по диалектологии и истории русского языка (К.В. Горшкова, С.М. Треблер, Л.Л. Касаткин) склонны интерпретировать отсутствие смягчения ряда категорий согласных перед *e*, *и* в вологодских говорах русского языка не как инновацию этих говоров, а как сохранение древнего состояния, подобного тому, которое наблюдается и в украинском языке. Правомерность такой интерпретации усиливается тем, что и по ряду других признаков эти севернорусские говоры обнаруживают определенную близость к украинскому языку.

1.4. Высказанному некоторыми исследователями (Ф.П. Филин, М.А. Жовтобрюх) мнению о том, что процесс диспалатализации полумягких согласных начался с позиции перед *и*, а лишь несколько позже охватил и позицию перед *e*, противоречат данные лингвогеографии, обнаруживающие в различных зонах украинского Полесья и Подляшья значительно больший ареал сохранения полумягкости согласных именно перед *и*, а меньший перед *e*, причем раньше всего отвердевали губные, потом большинство переднеязычных согласных и позже всего — сонорный *л*.

2.1. Из двух гипотез развития сочетаний *гы*, *кы*, *хы* в украинском языке (согласно А.А. Шахматову, повсюдное изначально изменение *гы*, *кы*, *хы* > *гi*, *кi*, *хi* имело место и в украинском языке, как в русском и белорусском языках, и лишь позже они развились в современные украинские *ги*, *ки*, *хи*; согласно П.И. Житецкому, Е. Тимченко, М.М. Пещак, развитие *гы*, *кы*, *хы* в протоукраинских говорах древнерусского языка с самого начала подпало под влияние конвергенции древних **i* × **ы* и корректировалось ее результатами) следует отдать предпочтение второй. Сопоставление по данным Атласа украинского языка и Общеславянского лингвистического атласа ареалов рефлексов *гы*, *кы*, *хы* и результатов слияния **i* с **ы* в украинских говорах обнаружило определенную их взаимозависимость и значительное совпадение величины и очертаний ареалов. Так, оказалось, что в части говоров, сохранивших противопоставление древних /*i*~/ /*ы*/, трансформированное в /*и*~/ /*ы*/, сочетания *гы*, *кы*, *хы* сохранили свою артикуляцию (частично бойковские, закарпатские, лемковские говоры), в тех же говорах, где **i* и **ы* сохранились, *гы*, *кы*, *хы* перешли в *гi*, *кi*, *хi* (посанские и часть закарпатских); сочетания *гi*, *кi*, *хi* наблюдаются также в полесских говорах, где результатом конвергенции **i* × **ы* является высоко-передний гласный *i*; в остальных украинских говорах и *гы*, *кы*, *хы* > *ги*, *ки*, *хи* и древние **i*, **ы* совпали в гласном *и*.

3.1. Встречающиеся в ряде староукраинских и древнерусских памятников, особенно в новгородских берестяных грамотах, написания с *о*, *e* вместо *ѡ*, *ѣ* в слабой позиции типа **ѡсѣмо который на то/т/ листо посмотрито; оже пано петр... пожичило нам; ѡт тыхо ма/с/пѣсто; гродо**

на/ш/ галич; азо; раво; семьдєсѣто; вѣмажнѣко; на петръво днє; ѡзо и др. квалифицируются многими исследователями (Р.И. Аванесов, В.И. Борковский, Л.П. Жуковская и др.) как лишенные звукового значения, замена ѡ, ѡ на о, е рассматривается лишь как графическое явление, обусловленное неупорядоченным употреблением букв о и ѡ, е и ѡ спустя какое-то время после окончательного исчезновения редуцированных в живой речи.

Наличие в ряде современных архаических украинских говоров Карпат, многих севернорусских, а также и пирдопских и панагюрских говорах болгарского языка случаев произношения более-менее полноразличных гласных о, е на месте ѡ, ѡ в слабой позиции типа *обо'риго, ви'сокий, 'вир'хо, 'файний'віско, п'чолѣ'нос'ат'мідо, т'реба пересту'нити по'риго, ви'ликий го'рихо, с тих'літо, ти'пирни 'вир'ато, одна 'діти 'учито* и многих других заставляет и в упомянутых выше написаниях из староукраинских грамот XIV-XV ст. и новгородских берестяных грамот XIII-XV ст. видеть не простое графическое смешение, а отражение реального фонетического явления, следы которого сохранились до сих пор в говорах разных славянских языков.

Нельзя также согласиться со слишком категорическими выводами некоторых современных исследователей творчества А.А. Потебни (И.С. Олейник, А.И. Белодед), которые без достаточных для этого оснований, в частности без учета показаний некоторых древних памятников и данных современных славянских говоров, ограничиваясь лишь общими рассуждениями согласно распространенной схеме падения редуцированных в слабой позиции и вокализации в сильной, отрицают правильность наблюдений А.А. Потебни о довольно долгом сохранении следов редуцированных говорами восточнославянских языков.

Указанные диалектные факты, помогая решить проблему написаний в памятниках о, е на месте слабых еров, ставят в то же время другую проблему. Если отраженные в памятниках написания с о, е на месте ѡ, ѡ в конце слова и зафиксированные в современных говорах в той же позиции гласные рассматривать как континуанты давних еров, то как тогда объяснить наличие в тех же самых украинских карпатских говорах результатов заменительного удлинения, т.е. существование структур типа *стіло*, а не *столо* и под. Если же квалифицировать эти гласные как вторичные, тогда следует допустить на определенном этапе развития восточнославянских языков какой-то острый рецидив действия закона открытого слога.

Подготовил к печати
проф. В.И. Дегтярев